УТРАЧИВАЕМЫЕ ОКРАИНЫ: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА, УКРАИНА, БЕЛОРУССИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Василий Валерьевич Шишков

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия*

Сергей Валерьевич Хорошев

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 октября 2019 <i>Принята к печати:</i> 4 апреля 2020</p>	<p>Аннотация: В статье исследуются современные политические отношения России с Украиной и Белоруссией с позиций анализа взаимосвязей между бывшим имперским центром и перифериями. Теоретико-методологическую основу статьи составили исследования, рассматривающие постимперское политическое развитие периферий их отношения с бывшим имперским центром и постсоветские политические процессы. Также важное значение для решения поставленных в статье задач имели исследования, посвященные политике памяти.</p> <p>В работе ставится и рассматривается вопрос о том, насколько обоснованно характеризовать отношения России и бывших советских стран в качестве постимперских в общем контексте распада империй. Представлен анализ российской интеграционной политики на постсоветском пространстве с позиций выстраивания отношений в постимперский период, ее результаты в отношении Украины и Белоруссии. Рассмотрена современная российская политика по отношению к Украине и Белоруссии, проведен ее анализ, в том числе экономико-финансовой составляющей взаимосвязей России и данных государств. Особое внимание уделено фактору культурно-исторической близости и российской политики памяти в отношении указанных постсоветских стран, проанализированы причины ее ограниченной результативности в условиях развития национальной идентичности украинского и белорусского обществ.</p> <p>Представлены выводы, которые позволяют характеризовать политические отношения России с Украиной и Белоруссией в качестве постимперских в контексте продолжения обретения этими государствами политической и национально-культурной независимости, процессов, начавшихся еще в советский период. Такое развитие приводит к снижению влияния России, при этом экономические факторы имеют ограниченную эффективность для его сохранения. Позиции Москвы все более заменяются влиянием внешних для постсоветского пространства центров силы.</p> <p>Представляется, что результаты исследования могут быть востребованы при уточнении российской политики на постсоветском пространстве.</p>
<p>Об авторах: <i>Шишков В.В.</i>, к.полит.н., доцент, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС e-mail: fh55@mail.ru <i>Хорошев С.В.</i>, старший преподаватель, Институт общественных наук, РАНХиГС e-mail: 20dekabr@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: постимперская политика; политика памяти; постсоветское пространство; СНГ; ЕАЭС; Россия; Украина; Белоруссия</p>	

После распада СССР Россия приняла на себя бремя континуитета советской государственности. Вместе с этим возникла необходимость по-новому выстраивать отношения с бывшими советскими республиками, став-

шими независимыми государствами. Несмотря на распад единого государства, тесные экономические, социальные и культурные связи, а также общая история были предпосылками нового объединения бывших со-

ветских республик. Россия стала центром интеграции на постсоветском пространстве, выдвинув и реализовав ряд инициатив по сближению, начав с создания вместе с Украиной и Белоруссией Содружества независимых государств.

Спустя почти 30 лет после создания СНГ, отношения между этими тремя государствами далеки от достижения тех ориентиров, которые ставились в недавнем прошлом при образовании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Постсоветское пространство является приоритетом для внешней политики России. Москва на протяжении развития отношений и с Украиной, и с Белоруссией демонстрировала значительную гибкость, учитывая интересы партнеров, стремясь использовать широкий инструментарий влияния при сохранении ориентации на прагматическое видение собственных интересов. Отметим, что политика внешних, для постсоветского пространства центров влияния, США, ЕС, некоторых его членов (Германия, Франция, Польша и др.), несмотря на все значение данного фактора, не может быть достаточным объяснением снижения влияния России в данных государствах. Позиция России обладает целым рядом таких экономических, геополитических, культурных преимуществ, которые позволят говорить о ее господствующем положении по отношению к другим постсоветским странам.

Очерченный круг проблем, их значительность с учетом того, что речь идет об отношениях между государствами не только близкими географически, отличающихся тесными экономическими связями, но что более существенно, близких в национально-культурном отношении, нуждается в глубоком анализе. Такой анализ, требующий исследования институциональных форм взаимоотношений между центром и перифериями с учетом общего исторического прошлого, как представляется, может быть проведен с позиций изучения развития национальной и имперской государственности, кризиса последней и постимперского политического развития.

В настоящей статье поднимается проблема политических изменений во взаимоотношениях между бывшим имперским центром

и перифериями, обретшими собственную независимую государственность. Рассматривается вопрос о значении имперского наследия, общей истории и культуры для выстраивания отношений между центром и перифериями на новой политической основе применительно к особенному российскому случаю. Исследуется вопрос о содержании специфики указанных отношений.

Предметом выступают политические отношения между Россией и бывшими советскими республиками, которые можно рассматривать в качестве наиболее близких к ней в историческом, культурном и национальном плане – Украиной и Белоруссией в качестве бывшего имперского центра и периферий в «постимперский» период. Ставится задача по анализу причин, по которым данные отношения приобрели сложившуюся конфигурацию.

Империя и национальное государство – два основных типа государственности в эпоху модерна. Империя как особый тип государства выражается в автократическом господстве центра по отношению к гетерогенным перифериям, концентрации политической власти, ее ресурсов и их монопольном использовании и контроле над ними со стороны консолидированной имперской элиты. Представляется существенным обозначить империю и в качестве особого типа политики, связанной с реализацией непрямого правления центра по отношению к перифериям, поиском наиболее оптимальных форм их подчинения и включения в систему имперских связей, осуществляющихся через центр.

В отличие от империи национальное государство представляется как гомогенное территориально-политическое образование, основное назначение, которого выражение и реализация интересов нации – коллективного политического субъекта, носителя государственного суверенитета. При этом предполагается, что границы государства и нации должны совпадать.

Здесь следует оговорить то обстоятельство, что противопоставление империи и национального государства в научных целях не представляется оправданным. Развитие имперского государства обеспечивало подь-

ем нации, ее конструирование в качестве современного имперского центра и субъекта, в интересах которого ведется имперская политика¹.

Рассмотрение теоретико-методологических основ постимперских исследований представляется необходимым для ответа на вопрос о содержании отношений между Россией и бывшими советскими республиками.

Научный интерес к постимперской политике формировался параллельно с постколониальным дискурсом, связанным с исследованиями Э. Саида, Г. Спивак, Х. Бхабха и других, но уже не ограничивается им, все более отходя от проблематики зависимости и идентичности к вопросам развития отношений между метрополией и бывшими колониями в новых геополитических условиях. Так, английский исследователь А.П. Торнтон исследуя империализм в XX в. (1978) отмечал, что на смену жесткому имперскому порядку приходит обскурантизм новых постколониальных стран и идейный империализм США². Дж. Дарвин, современный исследователь Британской империи, представляя ее как проект по образованию мировой хозяйственной системы, указывает на раннее, если не преждевременное предоставление независимости некоторым колониям³. Отметим, что в работах британских исследователей проблема национализма находится на втором плане и не рассматривается в качестве фатальной для империи. Другой важной особенностью отражения постимперского процесса в британских ис-

следованиях является внимание связям центра и периферий, сохраняющим, несмотря на давление со стороны США, «имперское» пространство.

В последние годы в зарубежной научной литературе, посвященной теме постимперских процессов, значительное внимание уделяется «политике памяти» – формированию общности и идентичности через трактовку исторических событий. Для постимперского дискурса данная проблематика связана с имперским государственным строительством, опытом деколонизации, вызовами покаяния за имперское господство и иммиграции из бывших колоний⁴. На первый план выходит вопрос восстановления исторической памяти бывших имперских наций.

Новый этап интереса к проблеме распада имперских государств и их последствиям связан уже с прекращением существования Советского Союза. Одна из первых попыток рассмотрения данного вопроса была предпринята западными исследователями в сборнике «*After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*» (1997). Так, Ч. Тилли, рассматривая империю как государство, осуществляющее не прямое правление перифериями, отмечал, что вследствие этого демократия не может охватывать все сегменты имперской политической системы. В методологическом отношении представляет значение то, что с данной позиции распад империи это проблема развития демократических институтов, обеспечивающих широкое и равное гражданство с консультациями и обеспечением защиты⁵ на локальном уровне. К. Баркей, анализируя в сравнительной перспективе национальное строительство на перифериях бывших империй, указывала

¹ См.: Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С. 22-36. [Shishkov, V.V. Imperiya kak ponyatiye i kontsept sovremennoy politicheskoy nauki: problemy interpretatsii (Empire as a Concept of Modern Political Science: Problems of Interpretation) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2018, № 4, pp. 22-36.]

² См.: Thornton, A.P. *Imperialism in the Twentieth Century*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. XII, 363 p.

³ См.: Darwin, J. *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970*. Cambridge University Press, 2009. XIII, 800 p.

⁴ См. например: *Memories of Post-Imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 194-2013* / Ed. by D. Rothermund. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 217 p.

⁵ Тилли Ч. Как умирают империи // Политическая наука. 2013. № 3. С. 228. [Tilly, C. How Empires End // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. P. 7.]

на значение трех факторов для успеха данного процесса на постсоветском пространстве: институтов, элит и ассоциаций, их взаимосвязь призвана обеспечить стабильное развитие⁶. С этим выводом согласуется позиция еще одного автора сборника, Р. Суни, который пишет о том, что успехи Советского Союза в национальном строительстве на периферии бывшей Российской империи во многом обусловили его кризис⁷. Представляется, что наиболее значимое социально-политическое «имперское» наследие для постсоветских республик состоит в конструировании национально-государственных институтов. Также нельзя не отметить работу Р. Брубейкера, посвященную проблемам миграции и этнического размежевания в постимперский период. На основе компаративного анализа, автор приходит к выводу о неизбежности миграции русских из постсоветских республик при ограниченности российской политики в этом вопросе⁸. Последующие процессы показали прогностическую ценность выводов исследователя и его методологии.

В отечественной политической науке проблемы империи и постимперского политического развития стали обсуждаться уже в начале 1990-х гг. Важной вехой стал семинар «Закат империй» (1991 г.), его участниками обсуждалась социально-политическая сущность империи, причины и последствия краха имперских государств.

Последствия распада империй рассма-

⁶ Barkey, K. Thinking about Consequences of Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 107-112.

⁷ Suny, R.G. The Russian Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 148-154.

⁸ См.: Brubaker, R. Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 155-180.

тривались в 2005 г. в ходе конференции, организованной фондом «Либеральная миссия» и британским посольством, а затем последовавшего семинара ВШЭ⁹. В ходе этих мероприятий были высказаны тезисы дискуссионного, как представляется характера: о СНГ как сфере имперской политики России (Д. Фурман) и о нарастании в России имперского синдрома в этнократическом облике (Э. Паин). Здесь следует сказать, что необходимо различать имперскую политику и политическое влияние. Россия не осуществляет не прямое правление на постсоветском пространстве и не концентрирует ресурсы бывших советских республик. Также нуждаются в различении социальный запрос на восстановление суверенной государственности, подтверждение статуса великой державы, присутствующий в российском обществе и призрачная русская этнократия.

Проблема посимперского политического развития новых, постсоветских государств Восточной Европы, в том числе Украины и Белоруссии является предметом исследований Е.Ю. Мелешкиной¹⁰. Хоте-

⁹ См.: После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 224 с. [Posle imperii (After the Empire) / Ed. by A.M. Klyamkin. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2007. 224 p.]

¹⁰ См.: Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012. 251 с. [Meleshkina, E.Yu. Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Yevrope (The Formation of New States in Eastern Europe). Moscow: INION RAN, 2012. 251 p.]; Мелешкина Е.Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций // *Политическая наука*. 2013. №3. С. 10-29. [Meleshkina, E.Yu. Postimperskiye prostranstva: Osobennosti formirovaniya gosudarstv i natsiy (Post-imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations) // *Politicheskaya nauka*, 2013, No. 3, pp. 10-29.]; Мелешкина Е.Ю. Советский эксперимент: Между империей и современным государством // *Труды по русистике*: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Вып. 4. 2013. С. 325-338. [Meleshkina E.Yu. Sovetskiy eksperiment: Mezhdru imperiyey i sovremennym gosudarstvom (Soviet Experiment: Between the Empire and the Modern State) // *Trudy po rossiyevedeniyu: Sb. nauch. tr. / RAN INION*. Iss. 4, 2013, pp. 325-338.]; Шишков В.В. Дилеммы «постимперского транзита» // *Полис. Политические исследования*.

лось бы обратить внимание на вывод Е.Ю. Мелешкиной об ограниченной эффективности институционального наследия СССР для последующего государственного строительства (наиболее последовательна в такой политике Белоруссия). Тем не менее, представляется возможным говорить о том, что для национального строительства советское прошлое имеет гораздо большее значение в плане стремления к национальной консолидации в рамках границ, установленных в период СССР, а также связанной с этим проблемы сецессии (Украина).

Говоря о внимании отечественных исследователей к постимперской проблематике, следует отметить нарастающий интерес к такой актуальной теме как политика памяти. Примером этого является проект «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий»¹¹. Представляются значимыми указания на специфику национального строительства в восточноевропейских посткоммунистических странах, заключающиеся в культивировании образа жертвы советского строя, и нарастающую напряженность в отношениях с Россией, выражающуюся в «войнах памяти».

Рассмотренные здесь теоретико-методологические основы исследования постимперской политики, позволяют ответить на вопрос о том насколько обоснованно характеризовать отношения России и бывших советских стран в качестве постимперских. Ведь тот факт, что Советский Союз сформировался на территории Российской империи, охватив большую часть ее территории и населения, не делает его империей a priori. Тем более это относится к Российской Федерации, государству основания которого

принципиально отличаются от советского строя.

XX в. стал временем распада великих империи эпохи модерна. Одной из первых прекратила свое существование Российская империя, на месте которой в скором времени образовалось новое государство – СССР. Советский Союз был идеократией, концентрировал ресурсы власти, сохранял неоднородный состав населения. Кроме того, достиг значительных успехов в распространении своей идеологии и политического влияния, стал одним из центров биполярного мира. В связи с этим СССР зачастую, в зарубежной литературе, как правило, характеризуется также в качестве империи¹². Тем не менее, несмотря на наличие у Советского Союза указанных черт, сближающих его с империей, особенности его политической организации, связанные с определением имперского центра, политикой в отношении периферий не дают возможности однозначно охарактеризовать его в качестве империи.

Анализ национальной политики СССР позволяет говорить о том, что постимперские политические процессы на периферии России были запущены практически с начала его образования. В этот период республики в полной мере институционализировали свою государственность, пусть и в составе Союза. При этом в состав Украины и Белоруссии передавались территории из состава РСФСР. Были предприняты шаги по образованию национальных элит и передачи им государственного управления (коренизация)¹³. Кроме того, образовались негосударственные политические институты, такие как республиканские партии. Действительно данная политика осуществлялась в

2013. № 4. С. 163-167. [Shishkov, V.V. Dilemma «postimperskogo tranzita» (The Dilemmas of “Post-Imperial Transit”) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2013, No. 4, pp. 163-167.]

¹¹ См.: Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. 224 с. [Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. (Methodological Issues of Studying the Politics of Memory) / Ed. by Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. 224 p.]

¹² См. один из последних примеров: Kumar, K. *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017. 600 p.

¹³ См: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 662 с. [Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 528 p.] и дискуссию вокруг этого исследования.

рамках единого советского государства в соответствии с принципом демократического централизма, но существенным представляется то, что она обеспечивала рост национального самосознания при дискредитации бывшего имперского центра и его политики (борьба с великорусским шовинизмом).

Представляется, что ряд проблем, поднятых в рамках постколониального дискурса середины – второй половины XX в. на Западе уже имел место в СССР. Здесь следует указать на преодоление зависимости от бывшего имперского центра, развитие идентичности народов имперских окраин, их национально-государственных и культурных институтов. Особенностью является то, что к тому времени Россия как имперский центр уже прекратила свое существование и в силу этого не могла стать участником «дискурса» о великодержавности. Тем более значимым представляется действие культурно-исторических факторов, сближающих Россию, Украину и Белоруссию, сохраняющих свое значение в долговременной перспективе, что их действие остается определяющим и в современных условиях.

Включение отношений между Россией и постсоветскими странами в постимперскую проблематику отражает новый этап конструирования национальностей в полной мере самостоятельных от российского исторического и культурного наследия и общего советского прошлого, и это при обскурантистском игнорировании исторических фактов и культурных ценностей. В этих условиях российское политическое влияние сводится к минимуму на фоне роста влияния внешних центров силы. В связи с этим обращает на себя внимание взаимозависимость национально-государственного развития Украины и Белоруссии, их отношений с Российской Федерацией.

Обратимся к анализу динамики данных отношений в контексте интеграционной политики России. Для начала необходимо сказать об экономической составляющей отношений России с Украиной и Белоруссией.

К 2014 г. объем поддержки Украины с российской стороны составил около 250 млрд долларов¹⁴. В 2018 г. Россия, не-

¹⁴ Дмитрий Медведев: объем помощи России Украине за постсоветский период соста-

смотря на взаимные санкции, продолжает оставаться крупнейшим инвестором в экономику этой постсоветской республики. Так, за первое полугодие 2018 г. Россия инвестировала в Украину 436 млн долларов, или 36% от общих иностранных инвестиций. Также происходит наращивание товарооборота между Россией и Украиной. В 2018 г. внешнеторговый оборот России и Украины в 2018 г. вырос на 16,5% – до 14,98 млрд долларов с 12,85 млрд долларов в 2017 г.¹⁵ При этом товарооборот нарастает во многом за счет российского импорта.

Приведенные цифры показательны не только в плане сохраняющихся тесных экономических взаимосвязей между Россией и Украиной. Данные демонстрируют также зависимость Украины от России с одной стороны. С другой же стороны показывают ограниченность, если не вторичность экономических факторов в части увеличения политического влияния России на постсоветском пространстве.

В подтверждение этого суждения, приведем цифры, характеризующие экономические отношения России и Белоруссии. В 2016 г. МВФ оценивал общую поддержку белорусской экономики со стороны России в 106 млрд долларов (за период 2005-2015 гг.). Прямые инвестиции России в белорусскую экономику занимают от 57 до 64% общих иностранных вложений в страну. Половина всей белорусской внешней торговли приходится на Россию, за 2018 г. российско-белорусский товарооборот вырос почти на 10% и составил 30,5 млрд долларов¹⁶. Поли-

вил примерно \$250 млрд (Dmitry Medvedev: Russian Aid to Ukraine for the post-Soviet Period Amounted to Approximately \$250 billion) // «Коммерсантъ». 22.04.2014. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2458311>

¹⁵ Внешнеторговый оборот России и Украины в 2018 году вырос на 16,5% – ФТС (The Foreign Trade Turnover of Russia and Ukraine in 2018 Increased by 16.5%) // Информационное агентство «Интерфакс-Запад». 06.02.2019. Режим доступа: <https://www.interfax.by/news/belarus/1254137>

¹⁶ Ткачѳв И., Фейнберг А. Скрытый счет на \$100 млрд: как Россия содержит белорусскую экономику (\$100 billion Hidden Account: How Russia Contains the Belarusian Economy) //

тический результат экономической зависимости Белоруссии от России представляется ограниченным.

Перейдем непосредственно к рассмотрению российской политики последних лет.

Политика Россия к 2014 году на постсоветском пространстве концентрировалась вокруг ЕАЭС, который представлялся эффективным интеграционным проектом, способным сформировать единое экономическое пространство, по степени торгового и хозяйственного сближения не уступающее Европейскому союзу, способное вести равноправный диалог с ним и другими экономическими международными объединениями. Во многом перспектива ЕАЭС виделась в вовлечении в экономическую интеграцию других постсоветских государств, прежде всего Украины.

Украина к этому времени всячески избегала включения в активные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Украина не участвовала в экономической интеграции в форматах ЕврАзЭС и Таможенного союза, в формировании пространства безопасности в рамках ОДКБ. СНГ же во многом утратило свое значение, оставаясь в значительной степени лишь площадкой обсуждения общих вопросов между бывшими советскими республиками.

С «оранжевой революции», с 2004 г. отношения между Россией и Украиной переживали сложный нестабильный период, который казался, заканчивался с победой на президентских выборах в 2010 г. В.Ф. Януковича. Однако политический кризис 2013-2014 гг. и начавшаяся война на востоке Украины поставили крест на ее участии в интеграции на постсоветском пространстве под эгидой России. Перспективы участия в ЕАЭС оказались для украинцев значительно менее притягательными, чем призрачное членство в ЕС,

несмотря на историческую и культурную близость с Россией, не говоря уже о существовавших тогда тесных экономических связях и финансовой поддержке. Сегодня позиция Украины отличается резким неприятием российской политики.

После 2014 г. возможности Москвы влиять на политику Киева ограничены. Позиции в институтах государственной власти Украины утрачены, а в гражданском обществе страны дискредитированы. Показательно, что результатам выборов в Верховную Раду партия «Оппозиционная платформа – За жизнь», в программе, которой говорится необходимости восстановления отношений с Россией и о мирном урегулировании на Донбассе¹⁷ получила только 13,05% голосов избирателей и 43 мандата из 424. Представляется существенным то, что и в период президентства «пророссийского» политика В.Ф. Януковича, 2010-2014 нельзя сказать, что Киев следовал в русле политики Кремля, маневрируя между внешними силами, действующими на постсоветском пространстве, а вопрос о придании русскому языку статуса государственного так и не получил разумного положительного разрешения.

В отношениях между Россией и Белоруссией, несмотря на отдельные проблемы, связанные с определением цены на энергоносители для Белоруссии и стоимости их транзита в Европу, казалось бы, нет места острым кризисам. Белоруссия – участник ЕАЭС и ОДКБ, сохраняют силу договоренности о ее интеграции в рамках Союзного государства. Попытка Москвы активировать этот формат интеграции в 2018-2019 гг. привела к серьезному кризису в отношениях, повлекшему отставку российского посла М.В. Бабича.

Данный кризис еще раз продемонстрировал односторонний характер сближения России и Белоруссии. Интеграция в значительной степени состоит в финансово-экономической поддержке Минска при том, что реализация

РБК, 02.04.2017. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2017/58e026879a79471d6c8aef30>; Путин: товарооборот России и Белоруссии в 2018 году достиг \$30,5 млрд (Putin: Trade between Russia and Belarus in 2018 Reached \$30.5 billion) // Сетевое издание «Вести. Экономика (vestifinance.ru)». Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/videos/49741>

¹⁷ Предвыборная программа политической партии «Оппозиционная платформа – за жизнь» «Мир! Ответственность! Забота!» (Election Program of the Political Party “Opposition Platform – For Life” “Peace! Responsibility! Care!»). Режим доступа: <http://zagittya.com.ua/page/program.html>

положений договора о Союзном государстве вновь и вновь откладывается. Все более заметна ориентация Белоруссии, ее общества и государства на Западную Европу, а также рост белорусского национализма¹⁸. При этом Минск систематически отказывается поддерживать Россию в политических кризисах последних лет на постсоветском пространстве (например: 2008 г., 2014 г.). Данные обстоятельства ставят под сомнение союзнические отношения между двумя государствами и, более того, эффективность политики России в отношении Белоруссии на данном этапе.

Следует сказать о еще одном направлении российской влияния – об использовании культурно-исторической близости России Украины и Белоруссии. Данный фактор мог бы компенсировать недостаточную эффективность в использовании экономического фактора, ограниченность прямого и косвенного политического влияния.

В качестве основных направлений российской культурной политики последних лет следует назвать распространение русского языка и культуры в целом, повышение привлекательности российского образования, поддержки украинской православной церкви, обращение к общему историческому наследию, в том числе победе над гитлеровской Германией и ее союзниками. Несмотря на высокую значимость перечисленных факторов, сближающих народы Украины и России, степень политического отчуждения между государствами позволяет указывать на недостаточный результат их использования.

Российская политика памяти оказывается неэффективным инструментом сохранения политического влияния. Примечательно, что на

территории непризнанных республик – ДНР и ЛНР, при острой необходимости легитимации независимого правления, преобладает апелляция к советскому интернационализму¹⁹. Представляется, что такая историческая политика хотя и может быть противопоставлена националистическим устремлениям Киева скорее делигитимизирует попытку самоопределения и ослабляет ее мобилизационный потенциал, поскольку вопрос о ее исторических и политических основах остается открытым. Сами же республики представляются наполовину искусственными образованиями.

Анализируя историческую политику по отношению к Украине в постсоветский период можно сказать, что по большому счету в культурном плане российскому руководству оказалось нечего противопоставить агентам конструирования украинской национальной идентичности.

Схожая ситуация, подчеркивающая взаимосвязь развития государственных и национальных институтов, а вместе с тем и снижения зависимости от России, наблюдается в Белоруссии. Особенно наглядно это представлено в политике вытеснения русского языка белорусским и курсов изучения истории в школах. Данные процессы позволяют говорить о белоруссизации государства и общества этой бывшей советской республики²⁰ со

¹⁸ См.: Аверьянов-Минский К., Мальцев В. Белорусский национализм против русского мира. М.: ММО «CIS-ЕМО», 2015. 192 с. [Aver'yanov-Minskiy, K.; Mal'tsev, V. Belorusskiy natsionalizm protiv russkogo mira (Belarusian Nationalism against the Russian World). Moscow: ММО «CIS-ЕМО», 2015. 192 p.]; Зотов В. Батькины нацисты. Белорусские правые зачищают страну от России. Лукашенко не против (Fathers of the Nazis. The Belarusian Right Is Clearing the Country from Russia. Lukashenko is not Against) // Lenta.Ru (Лента.Ру), 03.04.2019. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2018/04/03/belonazi/>

¹⁹ См.: Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 127-143. [Voronovich, A.A. Internatsionalistskiy separatizm i istoricheskaya politika v nepriznannykh respublikakh Pridnestrov'ya i Donbassa (Internationalist Separatism and Historical Politics in the Unrecognized Republics of Transnistria and the Donbass) // Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb.nauchn. tr. / Ed. ny Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 127-143.]

²⁰ См. об этом например: Плотников Д. Мовный приговор. Пока Лукашенко говорит о дружбе с Россией, белорусов штрафуют за русский язык (While Lukashenko Talks about Friendship with Russia, Belarusians are Fined for Russian) // Lenta.Ru (Лента.Ру).

все возрастающим участием государства.

Политическая система Белоруссии имеет существенные отличия от ситуации на Украине. Здесь следует указать на характер политического режима, особенности формы правления в этой бывшей советской республике и о большей степени экономической зависимости от России. Тем не менее, преемственность с советским институциональным наследием не является препятствием к нарастанию национальной самоидентификации и все более проявляющейся тенденции к отдалению от России. В связи с этим представляется возможным говорить о том, что политические процессы на Украине и в современной Белоруссии имеют один вектор.

Перейдем к выводам.

Политическое развитие Украины и Белоруссии, их отношения с Россией возможно рассматривать в качестве постимперских политических процессов в контексте продолжения обретения этими государствами политической и национально-культурной независимости. Основы государственной институционализации и национальной самоидентификации в этих республиках были заложены в советский период. Отметим, что создатели и руководители Советского государства, декларируя примордиалистское отношение к нации, в практической политической деятельности оказались инструменталистами. В национальной автономизации выделась одна из основ советского строя.

14.08.2019. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/08/14/belorusization/>; «Разница в подборке фактов очевидна». Почему новое поколение белорусов знает польскую историю лучше российской (“The Difference in the Compilation of Facts Is Obvious.” Why a New Generation of Belarusians Knows Polish History Better than Russian) // Журнал «Огонёк» №31 от 12.08.2019, с. 16. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4052844>; России нужны истории успеха национальной, а не региональной безопасности (Russia Needs Success Stories of National rather than Regional Security) // Интернет-издание «Русский пульс». Режим доступа: <https://russianpulse.ru/continentalist/2019/08/15/1832500-rossii-nuzhny-istorii-uspeha-natsionalnoy-a-ne-regionalnoy-nbsp-bezopasnosti>

Постимперское политическое развитие, содержание которого включает создание и развитие национальных государственных и общественных институтов, формирование политической элиты сопровождается ростом национальной самоидентификации, важной составляющей которой является политика памяти. Такое развитие приводит к снижению влияния России, культурному отдалению значительной части украинского и белорусского общества от России. При этом российское влияние выхолащивается и заменяется влиянием США, государств Западной Европы.

Для сохранения своих политических позиций России не удастся в полной мере использовать структурные элементы экономической зависимости Украины и Белоруссии, другие факторы «мягкой силы». При этом возможности непосредственного политического влияния на Киев сокращаются. Все более неоднозначным становится восприятие России в глазах национализирующегося белорусского общества. Российское влияние на белорусский политический процесс уже представляется проблематичным.

Следует сказать о факторах, способствующих сохранению позиций России. В долгосрочном плане Россия, по сравнению с другими европейскими государствами – бывшими имперскими центрами, обладает двумя существенными преимуществами: географической и культурно-исторической близостью. Не следует также забывать, что русские, украинцы и белорусы имеют единые этнические корни. Постимперское развитие сопровождается демократизацией, в условиях которой данные обстоятельства могут иметь определяющее значение для российского политического влияния.

Отдельно следует сказать и о том, что влияние внешних центров силы, сколь могущественными они не были, может быть ограничено на бывших имперских перифериях. Примером может служить сохранение связей Великобритании и бывших колоний в рамках Британского содружества при том, что деколонизацию поощряли США и не редко поддерживал СССР.

В заключение также следует сказать о том, что для сохранения и укрепления рос-

сийских позиций на Украине и в Белоруссии необходимо вернуться к верификации российской политики в рамках дискурса о национальных интересах.

Литература:

Аверьянов-Минский К., Мальцев В. Белорусский национализм против русского мира. М.: ММО «CIS-ЕМО», 2015. 192 с.

Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В.* М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 127-143.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 662 с.

Мелешикина Е.Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций // *Политическая наука.* 2013. № 3. С. 10-29.

Мелешикина Е.Ю. Советский эксперимент: Между империей и современным государством // *Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН.* Вып. 4. 2013. С. 325-338.

Мелешикина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012. 251 с.

Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.

После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 224 с.

Тилли Ч. Как умирают империи // *Политическая наука.* 2013. № 3.

Шишков В.В. Дилеммы «постимперского транзита» // *Полис. Политические исследования.* 2013. №4. С. 163-167.

Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // *Полис. Политические исследования.* 2018. №4. С. 22-36.

Barkey, K. Thinking about Consequences of Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds.* Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 107-112.

Brubaker, R. Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds.* Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 155-180.

Darwin, J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge University Press, 2009. XIII, 800 p.

Kumar, K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017. 600 p.

Memories of Post-Imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 194-2013 / Ed. by D. Rothermund. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 217 p.

Suny, R.G. The Russian Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union*

and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 148-154.

Thornton, A.P. Imperialism in the Twentieth Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. XII, 363 p.

References:

Aver'yanov-Minskiy, K.; Mal'tsev, V. Belorusskiy natsionalizm protiv russkogo mira (Belarusian Nationalism against the Russian World). Moscow: MМО «CIS-ЕМО», 2015. 192 p.

Barkey, K. Thinking about Consequences of Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds.* Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 107-112.

Brubaker, R. Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds.* Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 155-180.

Darwin, J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge University Press, 2009. XIII, 800 p.

Kumar, K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017. 600 p.

Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 528 p.

Meleshkina E.Yu. Sovetskiy eksperiment: Mezhdru imperiyei i sovremennym gosudarstvom (Soviet Experiment: Between the Empire and the Modern State) // *Trudy po rossiiyvedeniyu: Sb. nauch. tr. / RAN INION.* Iss. 4, 2013, pp. 325-338.

Meleshkina, E.Yu. Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Yevrope (The Formation of New States in Eastern Europe). Moscow: INION RAN, 2012. 251 p.

Meleshkina, E.Yu. Postimperskiye prostranstva: Osobennosti formirovaniya gosudarstv i natsiy (Post-imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations) // *Politicheskaya nauka,* 2013, No. 3, pp. 10-29.

Memories of Post-Imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 194-2013 / Ed. by D. Rothermund. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 217 p.

Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. (Methodological Issues of Studying the Politics of Memory) / Ed. by Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. 224 p.

Posle imperii (After the Empire) / Ed. by A.M. Klyamkin. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2007. 224 p.

Shishkov, V.V. Dilemmy «postimperskogo tranzita» (The Dilemmas of “Post-Imperial Transit”) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya,* 2013, No. 4, pp. 163-167.

Shishkov, V.V. Imperiya kak ponyatiye i kontsept sovremennoy politicheskoy nauki: problemy interpretatsii (Empire as a Concept of Modern Political Science: Problems of Interpretation) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya,* 2018, № 4, pp. 22-36.

Suny, R.G. The Russian Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds.* Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 148-154.

Thornton, A.P. Imperialism in the Twentieth Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. XII, 363 p.

Tilly, C. How Empires End // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997.

Voronovich, A.A. Internatsionalistskiy separatizm i istoricheskaya politika v nepriznannykh respublikakh Pridnestrov'ya i Donbassa (Internationalist Separatism and Historical Politics in the Unrecognized Republics of Transnistria and the Donbass) // Metodologicheskiye

voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb.nauchn. tr. / Ed. ny Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-Spb: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 127-143.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10037

BORDERLANDS ON THE EDGE OF LOSS: RUSSIAN POLICY, UKRAINE, BELARUS IN THE CONTEXT OF POST-IMPERIAL RELATIONS

Vasiliy V. Shishkov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Sergej V. Horoshev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 18.10.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 04.04.2020</p>	<p>Abstract: The article examines contemporary political relations between Russia and Ukraine and Belarus from the perspective of analyzing relations between the former imperial center and the periphery. The theoretical and methodological framework of the article consists of studies dealing with the post-imperial political development of the periphery its relation with the former imperial center and political processes in the post-Soviet area. Of significance were the studies on the politics of memory to solve the problems posed in the article.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Vasiliy V. Shishkov,</i> Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Institute of Law and Security, RANEPА e-mail: fh55@mail.ru</p> <p><i>Sergej V. Horoshev,</i> Senior Lecturer, Institute for Social Sciences, RANEPА e-mail: 20dekabr@mail.ru</p>	<p>The paper raises and considers the question to what extent the relations between Russia and the former Soviet states as post-imperial in the general context of the collapse of empires are reasonable characterized. It presents the analysis of the Russian integration policy in the post-Soviet area from the perspective of building relations in the post-imperial period, its results in regarding to Ukraine and Belarus. The modern Russian policy toward to Ukraine and Belarus is considered, its analysis is carried out, including the economic and financial component of the relationship between Russia and these states. Particular attention is paid to the factor of cultural and historical proximity and the Russian policy of memory in toward to these post-Soviet countries, it also analyzed the reasons for its limited effectiveness in terms of national identity development of the of Ukrainian and Belarusian societies are analyzed.</p> <p>The reported conclusions give characteristic of the political relations between Russia and Ukraine and Belarus as post-imperial in the context of the continuation of the acquisition of political and national-cultural independence by these states, the processes that began in the Soviet period. Such development leads to a decrease in the influence of Russia, while economic factors have limited effectiveness for its preservation. Moscow's positions are increasingly being replaced by the influence of centers of power external to the post-Soviet space.</p> <p>The results of the study may be used for refining Russian policy in the post-Soviet area.</p>
<p>Key words: post-imperial politics; politics of memory; post-Soviet space; CIS; EAEU (EEU); Russia; Ukraine; Belarus</p>	

Для цитирования: Шишков В.В., Хорошев С.В. Утрачиваемые окраины: российская политика, Украина, Белоруссия в контексте постимперских отношений // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 75-85.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10037

For citation: Shishkov, Vasiliy V.; Horoshev, Sergej V. Utrachivayemyye okrainy: rossiyskaya politika, Ukraina, Belorussiya v kontekste postimperskikh otноsheniy (Borderlands on the Edge of Loss: Russian Policy, Ukraine, Belarus in the Context of Post-Imperial Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 75-85.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10037